

Майк Сойд

The image depicts a desolate, industrial landscape under a heavy, grey, overcast sky. In the foreground, a wide, cracked asphalt road leads into the distance. On either side of the road are various industrial structures, including rusted metal buildings, pipes, and chimneys. In the upper half of the image, several large, futuristic, disc-shaped flying saucers are suspended in the air, connected by thin, web-like structures. The overall atmosphere is one of a post-apocalyptic or dystopian world.

Гравитация Сожалений

Майк Сойд

Гравитация Сожалений

<https://litres.ru/74039426>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом мире ошибки имеют реальный вес.

Каждое сожаление, ложь или невысказанное слово ложатся на плечи невидимым грузом — тенями. Накопишь слишком много — и собственная гравитация раздавит тебя, навсегда стерев из реальности.

Артур — живая аномалия. На его счету четырнадцать тысяч теней. Он весит почти три тонны, каждый его шаг крошит бетон, а в голове непрерывно кричат голоса из прошлого. Его тело мутировало, отказываясь сдаваться, но предел пройден: жить осталось меньше месяца.

Чтобы отменить смертельный приговор, ему нужно пересечь мертвые пустоши Нижнего мира и вернуться туда, где всё началось. Найти корень своего проклятия и сделать выбор, от которого он сбежал пятнадцать лет назад.

Но как проделать долгий путь человеку, который проваливается сквозь землю от каждого шага? Там, где прошлое пожирает людей заживо, спасение нельзя купить или отвоевать силой. Чтобы обмануть гравитацию сожалений, Артуру придется столкнуться с абсолютной, пугающей пустотой.

Содержание

ГЛАВА 1: ПРЕДЕЛ ПРОЧНОСТИ	4
ГЛАВА 2: ТОЧКА НЕВОЗВРАТА	10
ГЛАВА 3: РАЗНИЦА ПОТЕНЦИАЛОВ	17
ГЛАВА 4: ИЗГОИ	30
ГЛАВА 5: ЖЕЛТАЯ ЛИНИЯ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Гравитация Сожалений

ГЛАВА 1: ПРЕДЕЛ ПРОЧНОСТИ

«Человек осужден быть свободным; осужден, потому что не сам себя создал, и все же свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает».

— Жан-Поль Сартр

Бетон застонал. Это был низкий, утробный звук — так жалуется материя, когда на нее давят две целых и восемь десятых тонны.

Артур сидел на полу гаража со скрещенными ногами. Ни один стул в этом мире, даже сваренный из корабельной арматуры, не выдержал бы его веса. Этот ангар на окраине промышленной зоны был его крепостью и его тюрьмой.

Ангар из гофрированного металла делился надвое. С одной стороны — механическая зона с мощным подъемником и пикапом. С другой — скудное жилье: резиновый мат вместо кровати, ящик вместо стола и Стена, сплошь оклеенная вырезками. Весь пол здесь был залит метровым слоем сверхпрочного цемента — это было единственное место на многие мили вокруг, где Артур мог расслабить мышцы и не бояться провалиться в подвал.

В нос бил резкий запах мазута, жженого металла и застарелого пота. С хрипом втягивая воздух, Артур удерживал на коленях огромный тормозной диск от своего пикапа. То, что в обычной мастерской потребовало бы лебедки и двух механиков, он делал голыми руками. Под кожей его изможденного тела скрывались мышцы, спрессованные чудовищной гравитацией до состояния стальных тросов.

Справа от него бормотал старый телевизор. Экран рябил от помех, транслируя рекламный блок, который крутили на всех каналах:

«Устали от тяжести прошлых ошибок? Клиники Элиаса Вейна предлагают полное обнуление теневого индекса! Наша запатентованная процедура безболезненного отсечения подарит вам легкость, о которой вы мечтали. Станьте Пустым. Станьте свободным. Звоните прямо сейчас...»

— И станьте никем, — хрипло процедил Артур, с силой затягивая болт на металле.

Реклама сменилась новостным выпуском.

Голос диктора зазвучал неестественно бодро:

«...Мэр Ричардс, чей теневой индекс остается на эталонном нуле, сегодня утром торжественно открыл Небесный Променад. Мэрия напоминает: вход на стеклянные уровни доступен только гражданам с показателем до пяти теней. Лица со статусом „Грузных“ обязаны придерживаться желтых навигационных линий. За повреждение брусчатки предусмотрен штраф и немедленная депортация в транзит-

ные зоны...»

От резкого движения рук темная сетка глубоких трещин, покрывавшая тело Артура, болезненно вспыхнула изнутри. Золотистый, пульсирующий свет заскользил по его коже от запястий до шеи в такт сердцебиению. Искусство Кинцуги¹. Только вместо разбитой керамики здесь была сломанная жизнь. Четырнадцать тысяч теней. Уникальный предел. Большинство Грузных исчезали из реальности, не набрав и пяти тысяч, но тело Артура мутировало, отказываясь сдаваться.

Он инстинктивно поправил тактическую гарнитуру на голове. Внутри непрерывно шипел «белый шум», превращая какофонию из тысяч голосов, рыдающих на частоте сожалений, в терпимый фоновый гул. Снаружи на массивных чашках крепились чувствительные микрофоны. Они улавливали обычные звуки реального мира — лязг инструментов, бормотание телевизора, человеческую речь — и транслировали их поверх помех. Только благодаря этому Артур не был полностью отрезан от реальности.

Он бросил взгляд на Стену — огромный стенд из пробкового дерева. Он был сплошь заклеен газетными вырезками о Грузных, пропавших без вести прямо на улицах, и безумными медицинскими статьями. Десятки красных нитей вели

¹ *Кинцуги — японское искусство реставрации разбитой керамики с помощью лака, смешанного с золотым порошком. Философия кинцуги заключается в том, что поломки и трещины неотделимы от истории объекта и не заслуживают забвения.

к пустым местам, к обрывкам теорий о том, как можно обратить этот процесс вспять. Он искал выход годами, но пока находил лишь тупики.

Резкий электронный писк нарушил гул гаража.

На терминале у входной двери загорелась зеленая лампа. Артур отложил массивный металл в сторону, с трудом оперся ладонями о пол и медленно, с пугающей инерцией, встал на ноги.

По пути к двери он прошел мимо высокого, мутного зеркала, прислоненного к несущей колонне. На мгновение Артур остановился. Ему было тридцать восемь, но в его потухших, льдисто-серых глазах отражалась колоссальная усталость. Впалые щеки скрывала густая, неопрятная темная борода. Сейчас на нем были только грязные, пропитанные мазутом рабочие штаны и выцветшая серая майка. Сквозь открытые участки тела было видно, как золотистые трещины покрывают его грудь, плечи и шею, словно корни мертвых деревьев, обрываясь на левой скуле. Фигура узника, закованного в кандалы собственной гравитации.

Отвернувшись от зеркала, он подошел к укрепленной двери и открыл стальной шлюз почтового ящика. Внутри лежал бумажный пакет, от которого исходил пар.

Доставка еды. Обыватели часто с брезгливостью думали, что Грузные едят как слоны. Они не понимали главного: те ни не имеют желудков. Четырнадцать тысяч сожалений Артура добавляли ему не биологическую массу, а чистую гра-

витационную плотность. Его телу просто нужны были калории, чтобы передвигать эту тяжесть.

Артур отнес пакет к массивному железному верстаку. Раскрыв фольгированный контейнер, он почувствовал запах тушеного мяса с густой, почти черной подливкой и крупно нарезанным печеным картофелем с розмарином. Рядом, на край столешницы, он поставил граненый стакан и налил в него чистую воду из графина.

Он ел стоя, опираясь свободной рукой о металлический край верстака. Говядина была горячей и сытной. Проглотив несколько кусков, Артур потянулся за стаканом, чтобы запить обед.

Его пальцы сомкнулись на стекле. Но вместо прохладной твердости он не почувствовал ничего. Стакан не сдвинулся с места.

Артур нахмурился и сжал пальцы сильнее.

Его рука прошла сквозь стекло.

Дыхание застряло в легких. Артур отдернул руку. Кожа на его ладони, испещренная золотыми разломами, теряла плотность. Она становилась полупрозрачной, как помехи на старой видеокассете. Сквозь собственную кисть он отчетливо видел царапины на поверхности верстака.

В ту же секунду система шумоподавления в наушниках захлебнулась. Белый шум исчез, и сквозь него прорвался единственный, пронзительный женский крик. Он не принадлежал диктору в телевизоре. Он прозвучал прямо в центре

его черепа.

Артур пошатнулся. Три тонны живого веса дрогнули. От потери равновесия его рука дернулась, и локоть с силой задел стакан. Тот полетел вниз, с громким хрустом разлетевшись о бетонный пол. Брызги воды окатили грязные ботинки.

Мерцание прекратилось так же резко, как и началось. Рука снова стала плотной. Титанически тяжелой. Крик в голове захлебнулся, сменившись привычным шепотом тысяч голосов.

Артур оперся обеими руками о верстак, в ужасе глядя на свои ладони. По лицу катился холодный пот. Аппетит исчез без следа, сменившись тошнотворной, ледяной тревогой.

Городские легенды со Стены не лгали. Сосуд был переполнен. Исход начался. И скоро он окончательно растворится в воздухе.

Он поднял взгляд на тормозной диск. Ему придется собрать машину сегодня же ночью, одеться в дорогу и выйти за пределы своего бетонного квадрата. Пришло время навещать старого приятеля. Возможно, хотя бы он знает, что с этим делать.

ГЛАВА 2: ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

У него ушло три часа, чтобы установить тормозной диск обратно и затянуть все крепления. Руки, потерявшие плотность во время приступа, восстановились, но теперь каждое движение отдавалось тупой, ноющей болью в костях. Артур чувствовал, как внутри него что-то надломилось. Мост дал трещину.

Он стер мазут грубой ветошью и направился в жилую зону гаража, чтобы переодеться. Дорога предстояла долгая.

Артур натянул плотную черную футболку, а поверх нее — кожаную куртку, прошитую кевларовыми пластинами. Обычная ткань давно бы истерлась в пыль. Затем он обулся. Его тяжелые армейские ботинки были инженерным шедевром Дока: только многослойная полиуретановая подошва с титановыми супинаторами не давала ногам уходить глубоко в асфальт при каждом шаге.

В дальнем конце ангара, под бледным светом люминесцентной лампы, стоял его транспорт.

Внешне это был классический пикап с облупившейся краской и двойными задними колесами. Но под ржавой оболочкой скрывалась настоящая железная колыбель для Грузного. Артур потянул на себя толстую стальную плиту двери. Оригинальная рама давно сгнила, уступив место цельносвар-

ному каркасу из корабельных швеллеров. Он подтянулся на подножку — пикап, оснащенный пневматикой от карьерного самосвала, даже не скрипнул. Вместо водительского кресла к полу был намертво прикручен голый металлический ложемент, высланный промышленной резиной. Обычный поролон спрессовался бы в камень за секунду.

Артур опустил на резину и повернул ключ. Из-под капота раздался рык перебранного дизельного двигателя. Пикап медленно, переваливаясь на гигантских шинах с кевларовым кордом, выкатился из ангара в холодную ночную пустошь.

Дорога пролегла через «Ржавый пояс» — лабиринт заброшенных промзон. Здесь не было весовых турникетов. Земля была пропитана мазутом и шлаком, и она прощала Артуру его гравитацию. В наушниках, сквозь плотный гул, кто-то из теней тихо, но отчетливо заплакал. Артур стиснул челюсти и вдавил педаль в железный пол.

Рассвет только начал окрашивать руины в ржавые тона, когда пикап с надрывным вздохом пневматических тормозов остановился у гигантских ворот старого лодочного дока.

Это и было логово Дока. Внутри пахло озоном, стоялой водой и жженым металлом. С высоких потолков свисали массивные лебедки и цепи, способные поднять небольшую баржу. Вдоль стен громоздились гидравлические прессы, токарные станки и горы электроники с Верхних Ярусов. Это был храм тяжелой промышленности.

Док стоял на пороге — шуплый, седой мужчина с въевшейся в морщины машинной смазкой. Он был единственным человеком в этом городе, кто видел в Грузных не монстров, а нарушение законов физики, требующее починки.

— Малышка всё еще на ходу! — Док похлопал по бронированному крылу пикапа, когда Артур спустился на землю.

Инженер сразу же опустил взгляд на обувь Артура.

— Супинаторы не просели? Полиуретан еще держит твои три тонны?

— Держат, Док, — хрипло ответил Артур. — Твои ботинки переживут меня.

— А частоты? — Док указал перемазанным пальцем на наушники Артура. — Защитные фильтры не сбоят? Я могу перекалибровать белый шум, если голоса прорываются.

— Наушники в порядке, — Артур сделал грузный шаг вперед, оставляя вмятину на грунте. — А вот я — нет.

Они прошли вглубь мастерской, к ярко освещенному столу. Артур снял куртку. Короткие рукава черной футболки открывали предплечья, сплошь покрытые золотой паутиной. Док включил ручной сканер и медленно провел им над рукой Артура.

Трецины Кинцуги пульсировали, и прибор в руках Инженера начал издавать тревожный, частый писк. С каждой секундой лицо Дока становилось всё мрачнее.

Он выключил сканер и бросил его на металлический стол. — Проклятье, Артур.

— Я стал прозрачным на пару секунд, — ровным голосом сказал Артур. — Стакан прошел сквозь руку. Значит, сосуд переполнен? Если я запрусь в гараже и больше не сделаю ни одного выбора в своей жизни... я выживу?

Док покачал головой, устало опираясь руками о стол.

— Нет. Дело уже не в новых тенях. Представь себе мост, на который загнали слишком много товарных составов. Четырнадцать тысяч твоих сожалений — это критическая гравитационная плотность. Твои молекулярные связи просто устали сопротивляться этому давлению. Процесс распада запущен. Реальность отторгает тебя, Артур. Ты буквально проваливаешься в пустоту.

— Сколько? — сухо спросил Артур.

— Три недели. Четыре, если не будешь повышать пульс. Потом трещины дойдут до сердца, и ты рассыплешься, как пепел.

В огромном ангаре повисла тишина, нарушаемая лишь гудением трансформаторов.

— Официальная медицина предложила бы тебе клиники Вейна, — после паузы произнес Док, глядя Артуру в глаза. — Процедура Отсечения. Они вырежут тени, и ты снова станешь легким. Артур скривил губы в горькой усмешке.

— Стереть из головы всё, что делало меня человеком? Вырезать самую суть, забыть, кого я любил и кого предал, просто чтобы стать бездушным куском мяса, порхающим над землей? Нет, Док. Если я должен исчезнуть, я исчезну собой.

Лучше сдохнуть со своим грузом, чем позволить им оскопить мою память.

— Я знал, что ты это скажешь, — Док слабо улыбнулся. — Поэтому все эти годы я копал в другом направлении. Я изучал отчеты с мест первых гравитационных коллапсов. Читал закрытые архивы из старых больниц, покупал украденные медицинские сводки. И я нашел одну теорию. Система накапливает массу не хаотично.

Док подошел ближе, понизив голос.

Первая Тень — это корень. Тот самый момент, когда механизм твоего выбора сломался впервые. Твое самое первое сожаление, породившее все остальные. Тебе нужно найти то самое место и ту самую версию себя. Если ты сможешь посмотреть ей в глаза и принять тот, самый первый отвергнутый выбор... гравитационный узел развяжется. Орда никуда не исчезнет, Артур. Голоса останутся с тобой. Но они станут просто памятью. Они потеряют вес. И твое тело снова станет нормальным.

Артур долго молчал. Гул в наушниках, казалось, стал громче, перерастая в болезненный, многоголосый вой. Ему не нужно было ничего вспоминать или искать по картам. Он прекрасно знал, где находится этот корень.

То самое здание на другом конце страны, застрявшее в его кошмарах. Он бежал от этого места пятнадцать лет, и теперь сама смерть заставляла его развернуться и поехать обратно. В свой персональный ад.

Они вышли во двор, когда солнце уже поднялось высоко. Следующий час ушел на сборы. Док вынес из ангара тяжелые ящики с армейскими сухпайками, канистры с очищенной водой и дизельным топливом, запасные фильтры для маски и мотки стальных тросов. Артур молча грузил всё это в кузов пикапа, стараясь двигаться плавно и не провоцировать трещины на коже.

Когда всё было готово, Артур поднялся в кабину и занял водительское место.

Док закинул в кузов последний ящик, подошел к открытой двери и протянул Артуру массивную рацию в противударном корпусе, подключенную к длинному мотку проводов.

— Я впаял усилитель в антенну твоей машины, — сказал Инженер. — Это армейский передатчик. Он пробьет любой белый шум и статику пустошей. Будешь выходить на связь каждые пару дней на частоте 104.2.

— Зачем? — мрачно спросил Артур.

— Затем, чтобы я знал, что ты еще не провалился к ядру планеты, старый ты упрямец, — фыркнул Док. — И если ты начнешь сходить с ума от голосов, я смогу перекалибровать твои фильтры удаленно. Возьми.

Артур молча взял прибор и положил его на приборную панель. Но Док не ушел. Он ударил мозолистой ладонью по бронированной двери и посмотрел на него абсолютно серьезно.

— А теперь послушай меня, Артур, — произнес Инженер. — Тебе предстоит пересечь всю страну. Тебя не пустят ни в один магазин, ни в один нормальный мотель. Ты провалишься под пол в любой аптеке. Тебе нужны руки и глаза, которые не привлекают внимания.

Артур нахмурился, глядя на пустую дорогу. — Мне не нужна нянька, Док.

— Тебе нужен кто-то легкий! — жестко отрезал Док. — Найди Потокового. Заплати, припугни, пообещай пропуск на Верхние Ярусы — мне плевать. Но если ты поедешь один, ты сдохнешь от голода или отсутствия батарей для наушников задолго до того, как доберешься до цели. Понял меня?

Артур стиснул челюсти, но коротко кивнул. Пикап рыкнул, обдав ангар облаком черного дыма, и медленно выкатился за ворота. Дорога на запад была открыта.

ГЛАВА 3: РАЗНИЦА ПОТЕНЦИАЛОВ

Транзитный городок Оук-Крик выглядел так, словно его наспех сколотили из мусора, оставшегося от прошлой эпохи. Пыльные дороги, обшарпанные фасады и бесконечные ряды дешевых мотелей для тех, кому не нашлось места в лучших районах.

Артур заглушил двигатель пикапа на обочине, в переулке рядом с местным супермаркетом. Дальше ехать было нельзя — усиленная желтая навигационная линия для Грузных заканчивалась прямо здесь, сменяясь обычным тонким асфальтом пешеходной зоны.

Он сидел в раскаленной кабине, тяжело дыша. Вода в канистрах нагрелась, а ему нужны были нормальная еда и фильтры. Док был прав: деньги у Артура были, но купить на них что-либо он физически не мог. Любой шаг за пределы желтой линии грозил тем, что он просто проломит тротуар и намертво застрянет по колено в обвалившейся ливневой канализации.

Артур прикрыл глаза, вслушиваясь в белый шум своей гарнитуры. Чувствительные микрофоны улавливали гул улицы: шелест шин, скрип магазинных тележек, обрывки чужих

разговоров.

Внезапно сквозь этот монотонный фон прорезался резкий, звонкий звук. Звон разбитого стекла. А следом — грубый смех и хлесткий девичий голос, доносившийся от входа в супермаркет.

— Убрал руки, пока я тебе их не сломала.

Артур открыл глаза. Микрофоны безошибочно вычленили из шума шаги. Грузные шаги нескольких мужчин — и легкие, почти невесомые прыжки кого-то еще.

— Смотри-ка, какая дерзкая пустышка, — пробасил мужской голос. — Детектор на входе аж побелел. Ноль теней. Совсем бездушная, да? Никого не любишь, ни о чем не жалеешь? Паразитка.

Артур нахмурился. Потоковая. Та самая аномалия, о которой говорил Док. Люди, плывущие по течению. Они не были способны на глубокие привязанности, не делали судьбоносных выборов, не оглядывались назад и жили лишь одним днем. Для обывателей, с трудом тащащих на себе груз прошлых ошибок, человек без единой тени казался не свободным, а бракованным. Социопатом без совести, который потребляет ресурсы, ничего не отдавая взамен.

— Я жалею только о том, что зашла в один магазин с таким дерьмом, как ты, — огрызнулась девчонка. Раздался звук глухого удара — ее с силой швырнули в стену.

— Сейчас мы добавим тебе пару сожалений для веса, дрянь.

Артур не раздумывал. Он знал правила. Знал, что его сосуд переполнен. Но перспектива сидеть в машине и слушать, как толпа калечит девчонку — ту самую Потоковую, чья легкость была так нужна ему в пути, — вызвала внутри глухую ярость.

Он потянулся к ручке и толкнул бронированную дверь. Артур шагнул из кабины. Его ботинок опустился на тонкий асфальт переулка.

Раздался сухой, пугающий хруст. От его подошвы во все стороны мгновенно побежала паутина трещин. Земля под ним просела на несколько сантиметров.

Один шаг. Массивный, вязкий.

Второй шаг.

Каждое движение сопровождалось стоном крошащегося камня. Асфальт прогибался под весом почти в три тонны. Артур двигался медленно, сильно сутулясь, словно невидимый пресс придавливал его к земле.

Когда он вышел из-за угла и остановился напротив стеклянных дверей супермаркета, трое местных амбалов, зажавших девчонку в углу, нехотя обернулись.

Сначала в их глазах мелькнуло презрительное раздражение. Перед ними стоял сутулый, болезненно худой мужчина с впалыми щеками и растрепанной бородой, одетый в кожаную куртку. Амбал криво усмехнулся и уже открыл рот, чтобы послать доходягу куда подальше.

Но тут Артур сделал еще один шаг.

Асфальт под его ботинком превратился в крошку. Камни брызнули в стороны. Золотистые трещины Кинцуги, покрывавшие шею, скулу и запястья Артура, ярко вспыхнули, пульсируя в такт сердцебиению.

Усмешка сползла с лица амбала. Его взгляд метнулся от раздавленной земли к светящейся паутине шрамов на теле незнакомца. До троицы внезапно дошло. Это был не больной старик. Это была физическая аномалия. Человек, чье количество теней невозможно было даже вообразить. От фигуры, застывшей перед ними, исходило такое гравитационное давление, что воздухом вокруг стало трудно дышать.

Артур слегка приподнял голову. Его льдисто-серые глаза, полные усталости тысяч жизней, встретились со взглядом главного из троицы.

— Отпустил ее, — хрипло произнес Артур. Его голос не был громким, но от низкочастотной вибрации по витрине супермаркета поползла тонкая трещина.

Амбал побледнел. В его глазах отразился животный, суеверный ужас. Он медленно разжал руки и попятился назад, не смея сделать ни одного резкого движения.

Лира, тяжело дыша, выскользнула из-под его руки. Она бросила злой взгляд на своих обидчиков, подхватила с земли оброненную бутылку воды и быстрым шагом направилась к своему неожиданному спасителю.

До пикапа они дошли молча. Каждый шаг давался Артуру

всё труднее — адреналин спадал, возвращая тупую, ноющую боль в спрессованные мышцы. Трещины на коже перестали светиться и снова превратились в темные, пугающие шрамы.

Он взялся за поручень и с тяжелым выдохом подтянулся в кабину. Рессоры жалобно скрипнули, принимая его вес. Артур откинулся на резиновую спинку ложементa, массируя левое запястье. Сердце колотилось так, что белый шум в гарнитуре слегка фонил.

В ту же секунду пассажирская дверь с легкостью распахнулась. Лира юркой тенью запрыгнула на сиденье, захлопнула за собой дверь и, как ни в чем не бывало, скрутила крышку с пластиковой бутылки.

— Не, ну ты видел его лицо? — Лира сделала большой глоток и звонко рассмеялась. — Он же чуть в штаны не наложил, когда под тобой асфальт посыпался!

Артур замер. Он медленно повернул голову и впервые по-настоящему посмотрел на свою незваную попутчицу.

На вид ей было девятнадцать. Тощая, угловатая, с коротко стриженными, вечно растрепанными светлыми волосами, которые она, казалось, стригла сама тупым ножом. Но больше всего выделялись ее глаза. Карие, пронзительно ясные и пугающе чистые. В них не было той мутной, серой пелены, которая застилала взгляды обычных людей, тянущих за собой груз прошлого. Это был взгляд существа, живущего исключительно в настоящей секунде. Ее потертая куртка была в пыли, на скуле уже наливался синяк от удара о стену,

но в ней не было ни грамма страха.

— Слушай, а у тебя тут кондиционер вообще работает? Жара как в духовке, — продолжила она, изучая приборную панель пикапа с живым, почти детским любопытством.

— Тебя только что едва не покалечили, — медленно произнес Артур, пытаясь осмыслить ее реакцию.

Лира пожала худыми плечами, откидываясь на спинку сиденья.

— Ага. Но ведь не покалечили. Чего теперь об этом думать? Вода, кстати, теплая. Я хотела взять из холодильника, но этот урод меня отвлек.

Артур отвернулся к лобовому стеклу. Потоковая. Теперь он видел это в действии. Никаких якорей. Никакого багажа. Событие произошло, закончилось и мгновенно стерлось из ее системы ценностей, уступив место теплой воде и духоте в кабине. Для него, человека, которого заживо хоронило под тяжестью ошибок пятнадцатилетней давности, эта девчонка была существом с другой планеты.

— Значит так, — голос Артура снова стал глухим и скрипучим. — Я еду на западный берег. Дорога долгая. Ты видела — я не могу выходить на обычные улицы. Я ломаю землю, я привлекаю внимание. Мне нужны руки, которые будут приносить еду, воду и батареи для гарнитуры из нормальных зон.

Лира перестала болтать ногами и с интересом посмотрела на него.

— А мне с этого что? — прищурилась она. — Кататься с тобой весело, конечно, ты как передвижной аттракцион ужасов. Но на западе мне делать нечего.

— Я плачу за все покупки. Сдачу оставляешь себе, — сухо ответил Артур. — Плюс — со мной к тебе больше никто не подойдет. Если доедешь со мной до конца... я отдам тебе всё, что останется от машины.

Лира обвела взглядом укрепленный корабельными швеллерами салон, пневматику, дорогие приборы на панели. Этот пикап на черном рынке стоил как несколько лет безбедной жизни в чистых районах.

Она деловито протянула ему руку, на которой не было ни единой трещинки Кинцуги.

— По рукам, Тяжеловес. Меня Лира зовут, если ты не слышал. А тебя как величать?

Артур посмотрел на ее маленькую, подозрительно чистую ладонь. Пожимать ее он не стал — его рука могла случайно сломать ей пальцы. Он лишь кивнул на здание супермаркета за стеклом.

— Артур, — коротко бросил он. — Деньги в бардачке. Иди за покупками.

Лира хлопнула себя по лбу.

— Точно! Вода и фильтры.

Она выгребла смятые купюры, выскользнула из кабины и вприпрыжку направилась обратно в супермаркет. Артур наблюдал за ней через треснувшее стекло. Внутри магазина во-

царилась гробовая тишина. Трое амбалов уже испарились, а кассирша пробивала Лире товары с такой скоростью и дрожью в руках, словно перед ней стояла вооруженная грабительница, а не тощая девчонка. Наличие трехтонного монстра на парковке творило чудеса с местным сервисом.

Через пару минут Лира вернулась, закинув на задний ряд резиновую канистру с водой и два бумажных пакета с консервами. Сама она плюхнулась на пассажирское сиденье, закинула ноги прямо на приборную панель и открыла пачку кукурузных чипсов.

— Отлично, Арти, — с набитым ртом скомандовала она. — Погнали. Я, чур, выбираю музыку. Она потянулась к старой магнитоле и крутанула ручку. Из динамиков вырвалось лишь глухое, мертвенное шипение статического электричества — радиостанции Нижнего мира давно сгнили вместе с вышками. Лира разочарованно цокнула языком и ударила по кнопке выключения. — Ладно. Будем слушать рев твоего мотора.

Артур вздохнул, переключая передачу. Пикап с рычанием выполз из переулка и направился в сторону западной трассы.

Следующие два часа Артур узнал о Лире всё. И еще немного больше.

Ее болтливость была сродни стихийному бедствию. Обычный человек замолкал бы, боясь сказать глупость, показаться навязчивым или вызвать раздражение. Лира же просто говорила всё, что приходило ей в голову, ни секунды

не сожалеея о сказанном. Это была ее суперсила — абсолютная свобода от социальных страхов.

Она успела рассказать про то, какие мерзкие консервы продают в Оук-Крик, как она однажды спала на крыше вагона, и почему она терпеть не может желтый цвет.

— ...и поэтому я вообще не понимаю, зачем эти идиоты красят свои навигационные линии в желтый, — тарыхтела она, разглядывая пейзаж за окном. — Слушай, а зачем тебе вообще эти огромные наушники? Я таких ни на одном рынке не видела. Кто тебе эту махину собрал? И почему ты ничего не ешь? Ты же вешишь как локомотив, а сам тощий, одни кости торчат!

Артур сидел неподвижно, глядя на пустую, растрескавшуюся трассу. В его гарнитуре монотонно шипел белый шум, но голос Лиры микрофоны транслировали кристально чисто. На удивление, этот звонкий, безостановочный поток слов странным образом заглушал плач теней лучше любой электроники.

На мгновение бесконечный поток слов Лиры смазался, превратившись в далекий гул, и память Артура сама, без его воли, вытащила из темноты обрывок другого голоса.

...Ева стояла у окна их тесной кухни, пытаясь посадить какой-то дикий цветок в ржавую консервную банку. Ее пальцы были перемазаны черной землей, а на носу красовалось грязное пятно. Она обернулась на его шаги и рассмеялась — звонко, чисто, запрокинув голову. «Смотри, Арти, если

эта штука приживется в нашей жестянке, значит, и мы с тобой прорвемся где угодно». Цветок завял через неделю, но этот смех Артур помнил так отчетливо, словно это было сегодня утром...

Артур моргнул, возвращаясь к реальности. Дорога всё так же уходила вперед, а Лира продолжала что-то увлеченно тараторить, размахивая руками.

— Ты слишком много говоришь, — наконец выдавил Артур своим низким, скрежещущим голосом.

— А ты слишком много молчишь, — парировала Лира, не убирая ног с панели. — Для баланса самое то.

Она потянулась в карман куртки и достала оттуда гладкий, блестящий прямоугольник, похожий на голографический проектор. Дорогая, изящная вещь, явно не из транзитных трущоб.

Артур скосил глаза. — Верхние Ярусы. Откуда у тебя это?

— Свистнула у одного богатенького щеголя в транзитной зоне, — хмыкнула Лира, крутя гаджет в пальцах. — Он напился местной дряни и полез в толпу за экзотикой. Я срезала эту штуку прямо с его пояса, пока он хлопал глазами. Правда, это скорее всего одноразовый пропуск. Как только этот идиот протрезвеет и заявит о краже, брелок превратится в маячок для поисковых дронов. У нас есть пара дней, не больше, прежде чем мне придется его выбросить.

Верхние Ярусы. Огромные, парящие над землей платформы из сверхпрочного стекла и белого металла. Там жили

«Легкие» — люди с индексом от нуля до пяти теней. Политики, богачи, элита. Те, кто мог позволить себе стереть память в клиниках Вейна, или те, кто просто родился с атрофированной совестью. Вход туда Грузным был физически невозможен: лифты и стеклянные полы не выдержали бы их веса.

— С твоим индексом... — Артур сделал паузу, подбирая слова. — С нулем теней. Ты могла бы жить там. Наверху. Легально.

Лира фыркнула так громко, что Артур поморщился. — Жить там? С этими пластиковыми куклами? Ты шутишь, Арти? Да они же мертвые. Смотри.

Лира повертела брелок в пальцах и нажала на узкую боковую грань. Прибор коротко пискнул, и над приборной панелью пикапа развернулась плотная, высокочеткая голограмма. Это была рекламная трансляция Верхних Ярусов.

Сквозь полумрак кабины проступили ослепительно белые, уходящие за облака башни, омываемые искусственным солнечным светом. По идеально чистой стеклянной брусчатке шла семья: мужчина, женщина и маленькая девочка в безупречном желтом платье. Они держались за руки и синхронно, симметрично улыбались. Но в их движениях не было жизни. Женщина смотрела на ребенка без капли материнской теплоты — лишь с вежливым, запрограммированным одобрением. На их лицах не было ни усталости, ни морщин, ни теней. Абсолютный, эталонный ноль.

«Добро пожаловать в Новый Эдем, — зазвучал из дина-

мика проектора мягкий, убаюкивающий женский голос. — Сектор Альфа. Место, где разум освобожден от гравитации прошлого. Никаких ошибок. Никаких сожалений. Только вечная легкость».

Лира смотрела на голографическую девочку, которая моргала в идеальный такт со своей матерью, словно заведенная кукла. Девчонка резко передернула плечами, словно от холода, и с силой ударила пальцем по кнопке выключения. Голограмма свернулась в точку и погасла.

Она убрала гаджет обратно в карман и посмотрела на серое небо. — Они там не живут. Они боятся дышать. Каждый их день — это паранойя. Съел не то, обидел кого-то, сделал неправильную ставку на бирже, пожалел об этом — хлоп! И у тебя уже плюс полкилограмма к индексу. Если они наберут больше пяти теней — их сбросят вниз, к нам. Поэтому они все лицемерные, холодные ублюдки, которые только делают вид, что идеальны, а по ночам бегают на процедуры Отсечения.

Лира повернула голову и посмотрела на суровый, угловатый профиль Артура, на его впалые щеки и паутину золотых шрамов. — Я, может, и Потоковая. Я не привязываюсь. Но я хочу ходить по нормальной, грязной земле, а не висеть в воздухе над чужими головами.

Артур ничего не ответил. Он лишь крепче сжал руль. Эта тощая девчонка с нулевым индексом оказалась куда более настоящей, чем миллионы людей, живущих над облаками.

Трасса уходила за горизонт, перерезая выжженные пустоши. До цели оставалось несколько сотен миль, но для Грузного, пробирающегося в обход патрулей, это расстояние было равносильно кругосветному путешествию.

ГЛАВА 4: ИЗГОИ

Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая пу-стоши в цвет запекшейся крови. Пикап Артура съехал с рас-трескавшейся трассы и покатился по каменистому бездоро-жью.

— Мы не поедem ночью? — спросила Лира, закидывая в рот последнюю горсть чипсов.

— Нет, — коротко ответил Артур. — Ночью пневматика должна остыть. Иначе рессоры лопнут.

Вскоре впереди показался глубокий провал в земле — старая гранитная каменоломня. Только монолитный камень мог выдержать скопление десятков Грузных людей в одном месте, не проваливаясь в тартарары.

Это было поселение изгоев. «Каменное Дно».

Вдоль скалистых стен лепились грубые лачуги из кусков стали и толстого брезента. В центре горел костер, сложенный из железнодорожных шпал. Вокруг сидели люди. Все они су-тулились, придавленные к земле невидимым грузом. У мно-гих на лицах и шеях мерцали редкие золотистые трещины Кинцуги — признак того, что их теневой индекс перевалил за тысячу.

Когда массивный пикап с шипением остановился у въезда в каменоломню, разговоры у костра стихли. Несколько муж-

чин с трудом поднялись на ноги. Они узнали эту машину. Слухи о человеке, который выглядит как бродяга, но весит почти три тонны и отказывается исчезать, ходили по всем пустошам. Для этих сломленных людей Артур был живой легендой.

Артур заглушил двигатель.

— Сиди в машине, — бросил он Лире, с натугой толкая бронированную дверь.

— Еще чего, — фыркнула она, распахивая пассажирскую. — Я просидела в этой духовке полдня. Мне нужно размять ноги.

Пока Артур медленно, перенося свой колоссальный вес, спускался на землю, Лира выпорхнула из кабины, легко обогнула капот пикапа и вышла на открытое пространство.

В ту же секунду атмосфера в лагере изменилась. Благоговейная тишина сменилась глухим, враждебным ропотом. Десятки воспаленных, уставших глаз уставились на девчонку.

Лира потянулась, хрустнув шеей, и сделала пару пружинистых, невесомых шагов. В месте, где каждое движение давалось людям с болью, ее легкая походка выглядела как оскорбление. Как пощечина.

Артур только успел захлопнуть за собой дверь пикапа, когда к нему подошла женщина средних лет. Ее лицо было изрезано глубокими морщинами, а на висках пульсировали толстые золотые линии разломов.

— Зачем ты притащил сюда эту Пустышку, Артур? — Го-

лос женщины дрожал от едва сдерживаемой ненависти. Она не смотрела на него, ее взгляд сверлил Лиру. — Ей здесь не место.

Лира перестала разминаться и непонимающе моргнула.

— Эй, полегче, дамочка. Я просто хочу подышать воздухом.

— Заткнись! — рявкнул один из мужчин у костра, сжимая кулаки так, что его костяшки побелели. — Ты ходишь по земле, не чувствуя ее! Ты спишь по ночам и не слышишь, как воют твои ошибки! Ты паразит!

Лира отступила на шаг, прижавшись спиной к решетке радиатора. Впервые с момента их знакомства Артур увидел, как в ее глазах мелькнула неуверенность. В городе Поточковых просто презирали, но здесь, среди тех, кого тени раздавливали заживо, к ней испытывали чистую, испепеляющую зависть.

Несколько человек поднялись от костра и угрожающе двинулись в сторону девчонки.

Артур сделал тяжелый шаг вперед.

Гранит под его ботинками не рассыпался, но утробно застонал от чудовищного давления. Этот звук прозвучал как предупредительный выстрел. Артур выпрямился, насколько позволяла его сутулая спина, и встал между надвигающейся толпой и Лирой.

Золотая паутина на его руках и шее ярко вспыхнула. По сравнению с его четырнадцатью тысячами теней, все их со-

жаления были лишь пылинками. От худой фигуры в кожаной куртке исходило такое гравитационное поле, что подошедшие Грузные физически почувствовали, как их прижимает к земле.

— Она со мной, — голос Артура раскатился по каменоломне низким, вибрирующим скрежетом. — Тот, кто тронет ее, будет иметь дело со мной. Я ясно выразился?

Женщина сглотнула и отвела взгляд. Мужчины, скрипя зубами, остановились и попятились к костру. Никто в здравом уме не посмел бы бросить вызов.

Артур слегка повернул голову.

— Отойди от них, Лира. Сядь у машины.

Девчонка, на удивление послушно, присела на задний бампер пикапа, обхватив колени руками. Впервые за весь день она молчала.

Из темноты лагеря, опираясь на стальную трость, вышел высокий, седой старик. Его лицо было почти полностью покрыто трещинами Кинцуги.

— Остыньте, братья, — хрипло произнес старик, подходя к Артуру. — В этом лагере мы не судим тех, кто ищет убежища. Приветствую тебя, Артур. Мы думали, Исход уже забрал тебя.

Старик, которого звали Илай, остановился в паре метров от него. Его взгляд зацепился за пульсирующие разломы на шее Артура.

— Твой сосуд дал течь, брат, — с горечью констатировал

Илай. — Исход уже дышит тебе в затылок. Ты мерцаешь.

— Я знаю, — сухо ответил Артур.

— Оставайся здесь, — старик положил руку на грудь. — Мы выделим тебе лучшую пещеру в граните. Не трать последние недели на бессмысленную тряску в машине. Встреть свой конец достойно, среди тех, кто тебя понимает, а не на пыльной дороге в компании девчонки, которая даже не знает, что такое боль.

Прежде чем Артур успел ответить, со стороны костра раздался резкий, леденящий душу крик.

Один из сидевших там мужчин — тот самый, что кричал на Лиру, — вдруг выронил кружку. Его руки начали стремительно терять плотность. Они становились полупрозрачными, пропуская сквозь себя свет от пламени. Мужчина в панике схватился за голову, но его пальцы прошли сквозь собственный череп.

— Нет! Нет, пожалуйста! — завопил он. Голос звучал неестественно, словно из-под воды. Воздух вокруг него пошел рябью.

Лира вскочила с бампера, в ужасе прижав ладони ко рту.

Мужчина попытался сделать шаг к Илаю, но его ноги растворились в воздухе. В следующую секунду он просто осыпался серой пылью. Его куртка и ботинки с глухим стуком упали на гранит. В воздухе на мгновение повис многоголосый вой освободившихся теней, который тут же растворился в ночном небе.

Человека больше не было.

Никто в лагере не закричал. Люди лишь мрачно опустили головы. Это была обыденность Каменного Дна.

Лира медленно перевела потрясенный взгляд с пустой куртки у костра на Артура, на его вспыхивающие золотые трещины. До нее наконец дошел весь смысл слова «Исход».

Артур посмотрел на Илая. Его лицо оставалось непроницаемым.

— Я не собираюсь встречать конец, Илай, — тихо, но твердо сказал Артур, глядя прямо в глаза старику. — Я еду его отменять. Мне нужна только вода для радиатора и место для сна. На рассвете мы уедем.

Илай долго смотрел на Артура, опираясь на свою стальную трость. В его глазах читалась смесь жалости и понимания.

— Как знаешь, Артур, — тихо ответил старик. — Вода у северной стены. Никто к вам не подойдет.

Он развернулся и медленно побрел прочь, растворяясь в полумраке каменоломни. Лагерь тоже начал погружаться в сон — полный стонов и шепота теней. Одежду исчезнувшего мужчины кто-то молча убрал. Жизнь на Каменном Дне продолжалась.

Артур обошел пикап и опустился на гранит, привалившись спиной к огромному заднему колесу. Камень под ним был холодным, и это приносило крошечное, но всё же облегчение спрессованным мышцам. Он приглушил громкость

гарнитуры, оставив спасительный белый шум тихо шипеть на фоне, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

Лира подошла неслышно. Она больше не прыгала и не болтала. Девчонка стянула с кузова массивную резиновую канистру — для нее это потребовало немалых усилий — и волоком дотащила до Артура.

Она села рядом, обхватив колени руками. Впервые с момента их встречи ее взгляд не бегал по сторонам в поисках чего-то интересного. Она смотрела прямо на тлеющий вдали костер, туда, где полчаса назад сидел живой человек.

— Этот старик сказал, что ты мерцаешь, — ее голос прозвучал непривычно тихо, без обычной дерзкой интонации. — Что твой сосуд дал течь.

Артур молчал, глядя в темноту. Золотые трещины на его шее тускло светились в ночи.

— Это... — Лира сглотнула, не отрывая взгляда от костра. — То, что случилось с тем мужчиной. Это ждет тебя? Ты тоже станешь пылью?

— Исход не щадит никого, — хрипло ответил Артур. — Когда плотность сожалений превышает предел, реальность просто выплевывает тебя. Стирает.

Лира поежилась. Ночь в пустыне была холодной, но Артур чувствовал, что ее пробрало не от ветра. Для Поточковой, которая привыкла жить моментом и не думать о последствиях, концепция того, что прошлое может буквально сожрать тебя заживо, была пугающей.

Она повернула голову и посмотрела на его руки.

— И куда мы едем? Чтобы это остановить.

Артур закрыл глаза. Перед его мысленным взором, сквозь пелену лет, снова всплыли обшарпанные стены. Запах антисептика. Монотонный писк кардиомонитора. Место, где всё произошло... Начало конца.

— В место, где появилась моя самая первая тень, — ответил он, не открывая глаз. — Если я смогу принять тот выбор... гравитационный узел распадется. Тени потеряют свой вес. Мое тело снова станет нормальным, и Исход остановится.

Лира долго молчала. Затем она потянулась к своему карману, достала оттуда запасную батарею для гарнитуры, которую прихватила еще днем в супермаркете, и молча положила ее в ладонь Артура. Это не было сделкой. Это был просто жест.

— Значит, доедем, — коротко сказала она. Девчонка отвернулась, натянула капюшон куртки и привалилась плечом к бронированному крылу пикапа, закрывая глаза.

Артур посмотрел на батарею в своей руке, затем на свернувшуюся клубком Потокую. Он, стараясь не шуметь, дотянулся до края кузова и стянул оттуда грубый походный плед. Осторожно набросив его на вздрагивающие от ночного холода плечи Леры, Артур поудобнее уселся на граните, опираясь спиной о массивное колесо пикапа.

Впервые за пятнадцать лет, медленно проваливаясь в бес-

покойный сон под привычный шепот тысяч теней, он почувствовал, что в этом проклятом путешествии он не один.

ГЛАВА 5: ЖЕЛТАЯ ЛИНИЯ

Утро на Каменном Дне началось с лязга металла и глухого кашля Грузных.

Лира открыла глаза и поежилась. Спина затекла от жесткого бронированного крыла пикапа, но ночного холода она почти не чувствовала. Девчонка оп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.